

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СТАВИТ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ В ЛОЖНОЕ И ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ «МАЛЬЧИКА ДЛЯ БИТЬЯ»...

Эту статью надо бы публиковать под рубрикой «Смерть в профессии». Но такой рубрики у нас нет... И не публиковать нельзя: раз есть такие факты, значит, надо предавать их гласности, обсуждать, хотя бы для того, чтобы избежать подобных ситуаций. И не надо утешаться тем, что это «всего лишь единичный факт». Даже в наше разнузданное время жизнь человека самоценна и не поддаётся статистике: смерть — всегда трагедия. Особенно трудно смириться с ней тогда, когда к ней приводит не теракт, не природная катастрофа, а человеческая чёрствость, дремучее педагогическое бескультурье и... равнодушие.

Галина Фролова,
профессор
Новосибирского
государственного
университета,
заслуженный
деятель культуры
России

В последнее десятилетие щедрым потоком низвергаются на школу всевозможные законы, подзаконные акты, положения, письма из разных ведомств, регламентирующие деятельность директора школы: финансирование, экономику образования, учредительство, управление, образовательное право. Всё это должно бы стать точкой опоры для успешной и безопасной деятельности руководителя. Но любая из этих «опор» в любой момент может «обрушиться, как крыша аквапарка в Москве, и стать причиной не только драмы, но и катастрофы; реальные ситуации так противоречат продекларированным правовым и экономическим нормам, что директор поставлен в положение «мальчика для битья» и вынужден постоянно «выкручиваться», приспособливаться, хотя бы «сохранить лицо». Но иногда не удаётся сохранить даже жизнь...

Новосибирская городская газета дала подборку материалов с подзаголовком «Дети обратились в редакцию с просьбой защитить от директора их права и их любимого учителя». Конфликт, судя по письму детей, начался с того, что родители объявили незаконными поборам существующие уже много лет во всех школах добровольные пожертвования в фонд школы. Речь идёт о затянувшемся конфликте, в который вовлечены учителя, администрация, родители и даже ученики.

Родители говорят, отношение к их детям резко изменилось после того, как они ещё в 9-м классе отказались сдавать ежемесячные взносы на нужды школы. «Мы поняли нецелесообразность этих трат, — объясняет представитель родительского комитета. — Ремонта в школе мы, по большому счёту, не видели. Куда идут эти деньги, не знаем...»

Вот она, неразрешимая проблема директора, поставленного законом и финансистами в положение лукавое и безвыходное: отремонтировать надо, но денег не дадим. Так куда же всё-таки делись деньги?

Вот что рассказала почти в то же время областная — старейшая в Сибири — газета, отмечая «неистовую силу духа и дар убеждения» директора 176-й новосибирской школы: «С самых первых дней его руководства школой учителя не ведают, что такое ремонт. Раньше во время летних каникул они мыли, чистили, белили, красили. Сейчас 1 сентября приходят на занятия и восхищаются чистотой, порядком. Заменял кровлю, отреставрировал большой спортзал, вернул к жизни малый. Преобразил столовую, заменил двери в классах, пол. Он один знал тяжёлые хозяйственные хлопоты. Искал и находил спонсоров. Это его ноу-хау. Один из таких ярких меценатов — С.В. Чернатов, ру-

ководитель строительной организации. Он не только помогает в техническом ремонте помещения, но и регулярно выделяет средства на стипендии, материальные вознаграждения победителям конкурсов, олимпиад».

Городская же газета в той же статье живописует события почти inferнальные: «Начали твориться странные вещи: на дверях лаборантской неожиданно оказывался новый замок, пропадал, а потом появлялся неожиданным образом классный журнал. Чиновники управления объявили выговор директору. После этого ситуация только усугубилась. Три года назад из школы ушёл шестой класс».

А теперь снова почитаем областную газету: «Три года назад школа № 176 стала школой НГТУ (Новосибирского государственного технического университета. — *Прим. ред.*). Благодаря Анатолию Ивановичу Цыганову, всем тем усовершенствованиям и качеству преподавания, школа получила «Сертификат доверия». Это значит, что выпускники по доверию, без экзаменов (по оценкам аттестатов) имели возможность для зачисления на один из факультетов НГТУ. Из 86 выпускников нынешнего года 76 поступили в вузы».

Городская газета пишет об авторитарном режиме в школе и беззакониях «Педагога уволили за то, что она защитила права ребёнка», — комментирует ситуацию специалист Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки кадров.

Областная газета пишет о директоре: «Ему верили, его уважали. Подростки видят, что их начальник, их руководитель — тоже член этого небольшого коллектива. Он не над детьми, а вместе с детьми. Они — одно общее».

И всё это пишется об одной и той же 176-й школе, расположенной на улице с весёлым названием «Новогодняя». Статья о ней в городской газете опубликована 31 октября. Очерк о её директоре опубликован в областной газете 12 ноября. Что

изменилось, что могло произойти за столь короткое время? Произошла трагедия.

31 октября городская газета под рубрикой «Ситуация» опубликовала полосу о конфликте в школе: «Неладно что-то в школьном королевстве». А 1 ноября в 7 часов утра заслуженный учитель России, директор 176-й школы Анатолий Иванович Цыганов пошёл умываться и... сердце остановилось...

— Это был человек удивительный, — рассказывает директор Института молодёжной политики и социальной работы Валентина Степановна Пель. — В 70-е годы его называли «наш сибирский Макаренко». Он сделал образцовым учреждением разваливавшееся специальное училище для малолетних правонарушителей, ввёл там среднее образование. Он вытащил из разрухи интернат для сирот, настоял, чтобы детей из одной семьи не разлучали, а направляли в одну группу семейного типа. Его уговорили возглавить 176-ю школу, чтобы вытянуть её из прорыва: сложные межличностные отношения, а попросту — склоки и конфликты сотрясали коллектив не один год. Анатолий Иванович принял на работу немало новых талантливых педагогов, чтобы оздоровить микроклимат школы, но сохранил в коллективе прежнего директора, понимая все обрушившиеся на неё материальные трудности. Возможно, этого и не стоило делать. Но он всегда старался помочь тем, кто нуждается в поддержке, и близко к сердцу принимал не только детские беды. Выдержка и корректность никогда не изменяли ему, педагогическую этику он считал основой профессионализма. Поэтому и пригласил меня, психолога, на педсовет «Педагогическая этика». Там я поняла, какую трудную ношу он принял на себя. Но он считал, что его воодушевлённость, общее творческое дело объединят коллектив, как это бывало не раз. Но сейчас условия другие — социальная напряжённость и открыто выражаемая в обществе агрессия расшатывают психику людей, в том числе и забытых государством учителей. Директорам школ сегодня не позавидуешь...

Всё это завучи школы рассказывали корреспонденту городской газеты, но не были услышаны. Результат — запредельная боль вдовы, Лидии Ивановны Цыгановой, директора 200-го лицея, усилена многократно. Несправедливость выглядит особенно жестокой и непростительной, потому что в той же обличительной корреспонденции городской газеты её автор пишет: «Суд Кировского района, куда обратилась преподавательница, предложил ей и директору школы заключить «мировую». Анатолий Иванович сразу после суда ушёл на больничный и «бюллетенит» до сих пор — уже пятый месяц».

Именно так — «бюллетенит». Конечно, в иронично-оскорбительные кавычки можно заключить что угодно. Но разве труднее было задаться вопросом: а что может означать такая долгая болезнь? И стоит ли писать о тяжело больном человеке, не повидав его? Не поговорив с ним?

Автор лишь спросила завучей, почему дети пришли в редакцию с жалобой, если всё в ней неправда? «Не знаем», — сказали завучи, чтобы не вдаваться в совсем уж патологические подробности истории и не «позорить», как они считали, свою профессию и свою школу. Однако перед лицом смерти эти понятные соображения уже не имеют значения, и исполняющая обязанности директора Марина Петровна Корнева называет вещи своими именами:

— Учительница, о которой пишет городская газета как о правозащитнице, появилась у нас не так давно. Сразу примкнула к группе, противостоящей деятельности администрации. Как классный руководитель, организовала противостояние детей, а как родитель — её дочь учится в этом классе — поддержала родителей в их нежелании помогать школе. Но это их право, никто и не настаивал, не требовал. Директор неутомимо искал всё новых спонсоров — кто заплатит 30 тысяч за систему пожарного оповещения, кто — за ремонт отопительной системы. Всё это время учительница воевала не только с директором, но и с мэрией по жилищным проблемам, — организовала жильцов в поддержку и победила.

Высвободившуюся энергию направила против коллег и администрации школы. С учительницей биологии, например, её отношения так обострились, что та попросила мужа сменить замок в лаборантской, опасаясь за сохранность материалов. Ни с Уставом школы, ни с приказами директора считаться не хотела. С ней пробовали разговаривать завучи, профком — всё напрасно. Её активность и непримиримость к чужой точке зрения была так велика, что она применяла подчас к негодным физическую силу — учителя физкультуры вытолкала из кабинета завуча. Когда мы пытались проанализировать её учебный процесс и разместились с директором на задних партах после звонка, учительница, явившись с опозданием на урок, грубо спросила:

— А что здесь делает администрация? Требую, чтобы вы покинули кабинет немедленно!

Директор предложил ей проводить занятия, так как времени с начала урока прошло немало. Учительница отказалась подчиниться и потребовала, чтоб десятиклассники перешли в другой кабинет вслед за ней. Директор направился к двери. Она преградила ему дорогу и стала выталкивать детей в коридор... Потом последовал приказ о её увольнении, потом суд, отметивший, что приказ неверно оформлен — с профкомом согласован на следующий день. После суда директор тяжело заболел, но продолжал руководить всеми хозяйственными и финансовыми делами, с которыми без него бы не справиться. А учительница продолжала битву с администрацией, в которую втянула выпускной класс, направляя ребят с жалобами в различные инстанции. Черновик письма, с которым дети обратились в управление образования, написан этой самой классной руководительницей. Когда во время её разговора со мной в мой кабинет вошла завуч, учительница, не желая присутствия свидетелей, стала грубо выталкивать завуча за дверь и повредила ей руку. Собственно, всё это есть в статье городской газеты

о нашей коллеге, втравившей детей и родителей в свои нескончаемые разборки, но только... в её интерпретации. Она манипулировала детьми, вместе с которыми училась и её дочь. А журналист городской газеты, видимо, и мысли не допускала, что учитель может поступать столь аморально: вместо кляузницы получилась жертва.

Две недели прошло со дня публикации этой злополучной фальшивой корреспонденции, принесшей столько страданий семье покойного и коллективу школы, а ни официальных извинений редакции, ни покаянного звонка журналистки вдове не прозвучало.

Но вот в моей телефонной трубке ранним утром загромычал амбициозный баритон:

— Звонят из Покровского. У нас учительница начальных классов покушалась на суицид. Напишите статью, чтоб её выгнали: какой она детям пример показывает!

— Она плохо работает? В Покровском есть для неё другая работа? В школе есть другой учитель? — пытаюсь повернуть собеседника к конкретным фактам...

— Это всё неважно! Надо защитить права детей! Директор мер против неё не принимает. Да ещё заставляет детей убирать мусор со школьного двора, хотя детский труд запрещён законом. А тут ещё неудавшееся самоубийство. Вы должны об этом написать!

— Вы хотите, чтобы самоубийство «удалось»?

Мой собеседник гневно обещает позвонить в другие газеты и бросает трубку.

Неужели чужая боль и чужая смерть нас больше не потрясают? Неужели восторжествует людоедский девиз «Успех любой ценой»? Но ведь это кратчайший путь к катастрофе. Или из сознания людей так надёжно вытравили православные ценности — милосердие, доброту, прощение, что мы забыли исконные свои традиции?

Убить словом легко. Но как трудно найти такое слово, чтобы спасти, сохранить жизнь. Может, в Покровском, откуда мне звонили, учителя вспомнят такие спасительные слова и сумеют помочь коллеге?

Нашла же областная газета способ сказать о директоре Цыганове правду, реабилитировать его в глазах общественности. Но непереносимо стыдно признаваться в любви к человеку... посмертно.

Вчера разговаривала со вдовой Анатолия Ивановича Лидией Ивановной Цыгановой, которая вспоминала, как тяжело заболевший после суда муж ездил по разным фирмам, чтобы добыть средства на современную противопожарную сигнализацию: без такого обновления пожарники не разрешили начинать учебный год. Финансировать же эти расходы никто не собирался и никакая инструкция на этот счёт рекомендаций не давала. Везде прописано, откуда нельзя брать деньги. А вот где их взять — без комментариев. Хитри, директор, лукавь, изворачивайся, директор, чтобы потом тебя поносили, кляли родители, критиковали журналисты, журили чиновники и всевозможные контролёры...

Он нашёл-таки эти деньги — у руководителя фирмы, который пожалел директора и тысячу детей, учебный год которых мог быть сорван. Но кто пожалеет тысячи других директоров, которым тоже приходится совершать невероятные финансовые кульбиты, чтобы школа была подготовлена к новому учебному году?

И что сегодня директору важнее — современные знания из области менеджмента, экономики, управления, права или совершенное, а не лукавое законодательство, которое оградило бы его от опасности давать «kozyрь» в руки нечистоплотным людям, которых на пушечный выстрел нельзя подпускать к школе, к воспитанию детей.

г. Новосибирск